

УДК 82.091

РУССКО-ЗАРУБЕЖНЫЕ СВЯЗИ: ОБРАЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В НОВЕЛЛЕ С. ДЕ БОВУАР «НЕДОРАЗУМЕНИЕ В МОСКВЕ»

© Ольга Полякова, Олег Поляков

RUSSIAN-FOREIGN CONNECTIONS: THE IMAGE OF SOVIET RUSSIA IN S. DE BEAUVOIR'S STORY "MISUNDERSTANDING IN MOSCOW"

Olga Polyakova, Oleg Polyakov

The paper is focused on the imagological aspect of S. de Beauvoir's story "Misunderstanding in Moscow", which is revealed on various narrative planes, combining both documentary-publicist and subjective-psychological parameters of the foreign culture reception. The hetero-image of Soviet Russia is analyzed in the aspect of a "double reflection" of the national element, objectivized in the story both in terms of the national "image" (Sartre's initial modeling of a positive image of Russia) and from the point of view of correction of this image in the process of one's immediate observation of the other/foreign reality, leading to its devalorization. The article connects the reception of Russia in "Misunderstanding in Moscow" with philosophical and social ideas of S. de Beauvoir and J.-P. Sartre. The national image here is characterized through the prism of traditional stereotypes of Russia, moreover, in the context of the characters' socio-political searches, in accordance with an imagological pattern of the text, describing the stages of the individual reception of foreign culture. In particular, the article shows how the characters proceed from the feeling of otherness to cultural adaptation in Russian reality, even self-identification with it, however, finally, coming to deep alienation. Thus, in S. de Beauvoir's story, the representation of Russia is depicted as a multi-layered process, and the image of Russia appears as a complex imagological construction.

Keywords: S. de Beauvoir, J.-P. Sartre, image of Russia, image of "otherness", stereotype, imagology.

В статье рассматривается имагологический аспект новеллы С. де Бовуар «Недоразумение в Москве», который раскрывается в различных нарративных планах произведения, соединяющих как документально-публицистические, так и субъективно-психологические параметры рецепции инационального. Гетерообраз советской России проанализирован в аспекте «двойного отражения» категории национального, объективированной в новелле как в плане национального «воображаемого» (первичное моделирование положительного имагообраза России Сартром), так и с точки зрения корректировки данного образа в ходе непосредственного восприятия чужого / другого, ведущей к его деvalorизации. Восприятие России в новелле «Недоразумение в Москве» связано в статье с философскими и идеологическими установками С. де Бовуар и Ж.-П. Сартра. Выстраивание национального образа Симоной де Бовуар охарактеризовано и сквозь призму традиционных стереотипов о России, и, прежде всего, в контексте мировоззренческих исканий героев, эволюции их социально-политических взглядов, а также в соответствии с сюжетобразующей моделью имагологического текста, описывающей этапы освоения индивидом инокультурного пространства. В частности, показано, как герои произведения проходят путь от осознания инаковости по отношению к другой культуре к адаптации к её реалиям и дальнейшей идентификации с ними, которая, однако, заканчивается углублением отчуждения от советской действительности. Таким образом, репрезентация России в произведении С. де Бовуар представлена как многоуровневый процесс, а образ России выстроен как сложная имагологическая конструкция.

Ключевые слова: С. де Бовуар, Ж.-П. Сартр, образ России, образ «чужого», стереотип, имагология.

«Длинная новелла» под названием «Недоразумение в Москве» создавалась Симоной де Бовуар в 1966–1967 гг., после того как она вместе с Ж.-П. Сартром по приглашению Союза писателей несколько раз посетила СССР и до того как

разразился чехословацкий конфликт 1968 года, скорректировавший их отношение к Советскому Союзу. Если отражение русской темы в публицистике С. де Бовуар и в целом ее отношение к России раскрыты в достаточном количестве ис-

следований [Полторацкая], [Appignanesi], [Blair], [Rowley], [Test, Rochester], то новелла о Москве, опубликованная в 1992 году, еще не получила должного научного осмысления. Особенность восприятия писательницей «чужой» страны проявляется в том, что в её сознании происходит смешение идеологических, мировоззренческих установок и личных чувств, переживаний. С одной стороны, это взгляд образованного проницательного европейца, придерживающегося левых взглядов и проповедующего принципы свободы, а с другой – рефлексия немолодой женщины, погруженной в размышления о проблеме старения и переживающей кризис супружеских отношений [Полякова, с. 137–141]. Более того, текст новеллы имеет не только авторепрезентативный характер: наряду со своими мыслями и чувствами автор выражает впечатления своего спутника от поездки в Советский Союз.

Реальные С. де Бовуар, прославившаяся как философ, писатель, активный деятель феминистского движения, и Ж.-П. Сартр, один из ярких представителей экзистенциализма и духовный лидер своей эпохи, приобретая статус литературных персонажей, становятся преподавателями на пенсии Николь и Андре. Они с частным визитом приезжают в Москву, чтобы навестить дочь Андре от первого брака Машу и одновременно погрузиться в советскую действительность и сверить свои социалистические идеалы с практикой строительства нового общества.

Как известно, после второй мировой войны Сартр активно придерживался установки на социалистическое переустройство буржуазного уклада жизни. Французский мыслитель считал, что СССР находится в авангарде мировой революции, поэтому его отношение к стране в целом было позитивным. Он справедливо полагал, что социализм, как любой из «плодов человеческой свободы», будет таким, каким сотворят его люди. Ему своими глазами хотелось увидеть этот масштабный социальный эксперимент, который воспринимался им как единственный способ выхода человечества из кризиса. Вместе с тем поездки в Советский Союз (ежегодные с 1962 по 1965 гг.) были вызваны возникшим в ранней юности вкусом к приключениям и путешествиям. Как отмечает Л. Г. Андреев, Сартр установил три категории своих путешествий: во-первых, «авантюрные», во-вторых, «культурные», целью которых было ознакомление с культурой стран, хорошо известных по различного рода литературе, и, наконец, «политизированные», дававшие возможность осмыслить политическую ситуацию в той или иной стране [Андреев, с. 165–166]. Описание одного из таких «политизированных»

путешествий, которое он совершил со своей спутницей жизни С. де Бовуар, и легло в основу «Недоразумения в Москве».

Как уже было отмечено, первоначальное впечатление о Советском Союзе у Сартра было позитивным. По воспоминаниям С. де Бовуар, Москва ему понравилась, «особенно его заинтересовали новые отношения, возникшие в СССР между людьми, людьми и вещами, автором и читателями, рабочими и заводом» [Цит. по: Андреев, с. 224]. Сартру казалось, что всё в этой стране имеет иной смысл – труд, отдых, чтение, путешествия, дружба: «Ему представлялось, что советское общество в значительной мере победило одиночество, терзающее наше общество; неудобства коллективной жизни в СССР казались ему менее прискорбными, нежели индивидуализм и покинутость» [Там же].

Энтузиазм Сартра унаследовал и герой новеллы Андре, для которого поездка в советскую Россию была важна по нескольким причинам. Прежде всего он воспринимает её как способ самопознания через познание мира: *Ему казалось, что истина его жизни и его самого ему не принадлежит: она была неприметно рассыпана по всей земле; чтобы познать её, надо было вопрошать разные века и разные края; вот почему он любил историю и путешествия* [Бовуар, с. 13]. Ещё одним стимулом стало желание внутреннего обновления: *Андре чувствовал, как поднимается в нём это волнение, без которого жизнь для него казалась пресной: начиналось приключение, возбуждавшее его и пугавшее одновременно, приключение открытия* [Там же, с. 12–13]. И, наконец, главным побудительным мотивом становится идеологический интерес:

Эта страна затрагивала его больше любой другой. Он был воспитан в культе Ленина; его мать в восемьдесят три года ещё была активисткой в рядах компартии; сам он в неё не вступил, но, на волнах надежд и уныния, всегда думал, что СССР владеет ключами от будущего, а стало быть, от этой эпохи и его собственной судьбы. Однако же никогда, даже в чёрные годы сталинизма, он не чувствовал, что так плохо эту страну понимает. Откроет ли ему глаза нынешняя поездка?.. Он будет спрашивать, попросит читать ему газеты, смешается с толпой [Там же, с. 13–14].

Николь же признаётся, что *в СССР она приехала во многом для того, чтобы доставить удовольствие Андре*, она полагает, что вечно занятый в Париже, здесь он *будет принадлежать только ей целый месяц* [Там же, с. 21]. О своём произведении С. де Бовуар могла бы сказать словами Дж. Стейнбека: «Это рассказ не о России, а о нашей поездке в Россию» [Стейнбек, с. 7].

Название «Недоразумение в Москве» объединяет две главные повествовательные линии новеллы. Одна из них, психологическая, раскрывает личные отношения героев, в частности конфликт недопонимания, возникший между немолдыми супругами во время поездки и связанный с проблемой старения.

Другую линию можно определить как имагологическую, поскольку она отражает сложный процесс восприятия чужой страны героями, которые сталкиваются как с противоречиями советской действительности, так и с особенностями чужой ментальности и оказываются не в силах их понять и соотнести с собственными представлениями и установками.

Образ советской России формируется в новелле с помощью традиционных и специфических приёмов. С. де Бовуар передаёт восприятие героями реалий советской действительности, культурных достопримечательностей, особенностей быта и нравов. В описании городов – а это Москва, Владимир, Ленинград, Новгород – доминирует уличное пространство, заполненное людьми, машинами и удивляющее приезжих своеобразной архитектурой: например, их поражают «гигантские замысловатые высоты, вздымающиеся там и сям» в Москве. В московском настоящем Николь находит признаки прошлого, которое разрушается новым советским укладом:

Москва немного изменилась; скорее подурнела... Прорубили проспекты, снесли старые кварталы... но оставалось ещё много старых домов, которыми она была очарована, особенно вечерами, когда сквозь оконные стёкла и завесу зелени был виден тёплый свет допотопного абажура из оранжевого или розового шёлка с бахромой» [Бовуар, с. 32].

В произведении активно задействованы стереотипы, характерные для западного восприятия России: холод, Кремль, иконы, русская старина, патриархальность, водка, икра. Автор раскрывает их с опорой на оппозицию «своё / чужое», актуализирующуюся в сознании действующих лиц повести.

В то же время субъективность имагообраза советской России усиливается особым психологическим состоянием главных героев, погружённых в межличностный конфликт и испытывающих внутреннюю дисгармонию, вызванную осознанием своего возраста. Непосредственные реакции Николь и Андре подвергаются не только психологической, но и идеологической коррекции: герои фиксируют расхождение идеологии и реальности. Так, при посещении Владимира Николь замечает, что в городе «голодно»:

... в ресторане не подавали ни рыбы, ни баранины, ни птицы, ни овощей, ни фруктов – только несъедобное рагу. Серый хлеб отдавал клеем. Перед гостиницей стояла очередь за галетами, о которые можно было сломать зубы» [Там же, с. 40].

На следующий день, когда отмечался праздник берёз, который, по замыслу властей, должен был вытеснить из сознания людей Троицу, еды было в изобилии. Эти наблюдения вызывают у героев-иностранцев недоумение, хотя Маша призывает их не удивляться «никаким несуразностям, никакому абсурду». Мотив «непонятной», «непонимаемой умом» России усиливается в ходе повествования. В сознании Андре происходит борьба противоречивых суждений и умозаключений. С одной стороны, герой приветствует наблюдаемый им массовый социальный эксперимент, но с другой – приходит к неутешительным выводам: *Страна по-прежнему была отягощена закоснелым бюрократическим аппаратом, ответственным за колоссальное разбазаривание средств и парализующие меры* [Там же]. Его «сбивает с толку» внешняя политика СССР, возмущают запреты и ограничения со стороны властей, контролирующих передвижения иностранцев по стране, пугает национализм, который он улавливает в словах Маши, комментирующей сюжет изображающей Страшный суд церковной фрески, на которой горели в аду французы. Андре пытается преодолеть духовный и идеологический кризис, отчасти объясняя его коммуникативными затруднениями, вызванными незнанием русского языка. Он полагает, что *всё было бы иначе, если бы он посетил девственные земли Сибири, города, где работали учёные* [Там же, с. 91]. Однако в итоге Андре вынужден признать, что *не нашёл того, что надеялся увидеть* [Там же]. Знакомство с советской Россией вызвало у него недоразумение и в итоге привело к политическому разочарованию.

Динамику имагологического восприятия героями советской страны можно проследить, используя схему, предложенную Ю. В. Матвеевой, которая, анализируя творчество русских писателей-эмигрантов первой половины XX века, в частности произведения, где они описывали процесс «личного встраивания в чужеродный жизненный и языковой уклад», выделила в этих текстах «тавтологические элементы», «общие точки сюжетообразующей модели», отражающие логику национально-культурного переосмысления и переделывания себя» [Матвеева, с. 202].

Вначале проявляется «осознание героем своей неуместности, инаковости в окружающей его культуре» [Там же]. Переход Николь и Андре из своего культурного пространства в другое / чу-

жое сопровождается обострённым восприятием бытовых реалий: долгое ожидание багажа, вокзал вызывающе зелёного цвета, резкий запах бензина, выросшие цены гостиничных номеров. Николь уже в самолёте ощутила робость перед «внушительной фигурой стюардессы и её суровым взглядом». Андре испытывает неуверенность, так как осознаёт, что плохо понимает эту страну:

Сумеет ли он почувствовать себя здесь как дома? Мысль, что это ему не удастся, повергала его в панику [Бовуар, с. 14].

Процесс адаптации к новой жизни, чужому языку и бытовому укладу протекает болезненно: *Для москвичей Москва, может быть, и хороша, но как она сурова к иностранцам!* [Там же, с. 50–51].

Следующий этап освоения этнически чуждых ментальности и быта – «сопряжённый с переживаниями, колебаниями и сомнениями период привыкания, подстраивания» [Матвеева, с. 202]. Николь постоянно сопоставляет увиденное в Советском Союзе с тем, к чему привыкла дома. После посещения дома Маши она *вдруг затосковала по своей квартирке, своей мебели, своим вещам* [Бовуар, с. 64]. Здесь она никогда не видела роз, не слышала классической музыки. В Париже многие лица ей были знакомы, все с ней заговаривали. *Здесь лица ничего ей не говорили. Почему она оказалась так далеко от своей жизни?* [Там же].

Психологический дискомфорт, который переживает героиня, порождает нестабильность впечатлений. Если сначала Николь утверждает: *В эти прекрасные дни Москва радовала глаз* [Там же, с. 55], то затем следует противоположное признание: *Она не находила в Москве особой прелести* [Там же, с. 66]. Гармоничные чувства вызывают лишь природа и культурные достопримечательности. Во время поездки во Владимир герои отмечают хорошую дорогу, цветущие деревни, просторные и спокойные «в мягком свете солнца» поля, сквер, пахнувший флоксами и петуниями; их поражают красивая церковь – «тоненькая, стройная, увенчанная одной золочёной луковкой, в белом платье, покрытом до середины тонкой вышивкой, – великолепная в своей простоте» [Там же, с. 33], а также фрески Андрея Рублёва. В Москве они любят «красивыми соборами Кремля, их иконами и иконами в музеях», старыми зданиями, которых в городе оставалось немало.

Кульминационный момент в восприятии «чужого» – это «момент озарения, внезапного

понимания своей принадлежности не только родной, но и другой культуре, которая мыслилась вначале как внешняя, чужая» [Матвеева, с. 202]. С героями новеллы С. де Бовуар это происходит в Ленинграде, «чудесном городе в период белых ночей»:

Под северным небом изящество и великолепие итальянского барокко. А как весело было на набережных Невы, чьи воды голубовато-белого цвета! Как много молодых людей, они шли группами и пели» [Бовуар, с. 76].

Николь испытывает наслаждение от вида дворцов, освещённых вечерней зарёй. Андре хочется остаться в этом городе, чтобы узнать о нём всё. В его сознании возникают «миражи прошлого»: город в блокаде, штурм Зимнего дворца, Ленин, Троцкий. *Нельзя ли наложить на эти картины великую эпопею его отрочества, такую тогда далёкую, такую близкую сего дня, ибо его ноги ступали по тем самым местам, где она происходила?* [Там же, с. 77]. Однако этот «момент озарения» очень быстро сменяется «возвращением к корням», острым ощущением невозможности внедриться в парадигму иного национального сознания: *Эта дивная белая ночь ему не принадлежала; он мог лишь присутствовать, не более того.* Окружающие Андре люди пели и смеялись, а он чувствовал себя за бортом: *турист... Он за бортом их досуга, потому что не причастен к их делам* [Там же, с. 79]. Отчуждение, которое чувствует Андре, усиливается после посещения действующей церкви, где *пахло ладаном, свечами и старыми бабами, которые стояли на коленях на полу, бормоча молитвы, били поклоны и целовали камень. «Зрелище ещё более шокирующее, чем в католических храмах», – отмечает герой-атеист* [Там же, с. 87].

Поэтому закономерно, что личный опыт главных героев, наблюдающих за социалистическими преобразованиями в СССР, приводит их к неприятию «чужого» мира, которое и Андре, и Николь определяют одним и тем же словом – «разочарование». Сложную природу этого чувства философски объяснил Сартр, когда утверждал, что «реальное всегда ведёт к разрушению воображаемого, даже если меж ними нет противоречия, потому что несовместимость происходит от их природы, а не от их содержания» [Цит. по: Андреев, с. 25]. Эту же мысль повторяет его литературный двойник:

Он в принципе терпеть не мог, когда люди, вернувшись из Китая, с Кубы или даже из США, говорили: «Я был разочарован». Они зря а priori составляли себе представление, которое потом опровергали фак-

ты; в этом были виноваты сами люди, а не жизнь [Бовуар, с. 91].

В итоге идеологические размышления Андре приобретают характер размышлений экзистенциальных:

Социализм рано или поздно станет реальностью. Однажды он победит во всём мире. То, что происходит сейчас, – просто период спада... Это возможно, это вероятно. Вероятность, проверить которую Андре не суждено. В его возрасте подъёма, который, может быть, и наступит когда-нибудь, он уже не увидит [Там же, с. 92].

Таким образом, осознанное освоение чужого пространства и чужой идентичности изображено в новелле как противоречивый, многоуровневый процесс, осложнённый личностным и мировоззренческим кризисом, который переживают герои, поэтому образ советской России, запечатлённый в произведении, можно рассматривать и как «документ эпохи», и как сложную имагологическую конструкцию.

Список литературы

Андреев Л. Г. Жан-Поль Сартр. Свободное сознание и XX век. М.: Московский рабочий, 1994. 334 с.

Бовуар С. Недоразумение в Москве. М.: Изд-во «Э», 2015. 208 с.

Матвеева Ю. В. Динамика национальной самоидентификации как источник литературного сюжета // Проблемы культурного пограничья. М: ИМЛИ РАН, 2014. С. 199–209.

Полторацкая Н. И. Симона де Бовуар и Россия (по книгам воспоминаний писательницы) // Наваждение: к истории «русской идеи» во французской литературе XX в.: материалы российско-французского colloquiuma (С.-Петербург., 2-3 июля 2001 г.) / отв. ред. С. Л. Фокин. М.: Наука, 2005. С.114–127.

Полякова О. А. «Время возраста»: осмысление проблемы старения и старости в новелле С. де Бовуар «Недоразумение в Москве» // Бытие – язык – история: сборник научных статей. Выпуск 3. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2017. С. 137–41.

Стейнбек Д. Русский дневник. М.: Изд-во «Э», 2017. 320 с.

Appignanesi D. Simone de Beauvoir. London: Haus Publishing, 2005. 182 p.

Blair D. Simone se Beauvoir: A Biography. New York: Simon and Schuster, 1991. 718 p.

Rowley H. Tête-à-Tête: Simone de Beauvoir and Jean-Paul Sartre. New York: Harper Collins, 2009. 464 p.

Test M. L., Rochester M. B. From Moscow to Chicago and Back: Simone de Beauvoir, Political Peripathetic // Simone de Beauvoir Studies. Vol. 12. 1995. Pp. 59–72.

References

Andreev, L. G. (1994). *Zhan-Pol' Sartr. Svobodnoe soznanie i XX vek* [Jean-Paul Sartre. Free Consciousness and the 20th Century]. 334 p. Moscow, Moskovskii rabochii. (In Russian)

Appignanesi, D. (2005). *Simone de Beauvoir*. 182 p. London, Haus Publishing. (In English)

Beauvoir, S. (2015). *Nedorazumenie v Moskve* [Misunderstanding in Moscow]. 208 p. Moscow, Izd-vo "E". (In Russian)

Blair, D. (1991). *Simone se Beauvoir: A Biography*. 718 p. New York, Simon and Schuster. (In English)

Matveeva, Iu. V. (2014). *Dinamika natsional'noi samoidentifikatsii kak istochnik literaturnogo siuzheta* [Dynamics of National Self-Identification as a Source of the Literary Plot]. *Problemy kul'turnogo pograniich'ia*. Pp. 199–209. Moscow, IMLI RAN. (In Russian)

Poliakova, O. A. (2017). "Bremia vozrasta": *osmyslenie problemy starenii i starosti v novelle S. de Beauvoir "Nedorazumenie v Moskve"* ["The Burden of Age": the Problem of Ageing in S. de Beauvoir's Story "Misunderstanding in Moscow"]. *Bytie – iazyk – istoriia: sbornik nauchnykh statei. Vypusk 3*, pp.137–141. Kirov, ООО "Raduga-PRESS". (In Russian)

Poltoratskaia, N. I. (2005). *Simone de Beauvoir i Rossiia (po knigam vospominanii pisatel'nitsy)* [Simone de Beauvoir and Russia (based on the writer's memoirs)]. *Navazhdeniia: k istorii "russkoi idei" vo frantsuzskoi literature XX v.: materialy rossiisko-frantsuzskogo colloquiuma* (St. Petersburg., 2-3 iulia 2001 g.). / отв. red. S. L. Fokin. Pp. 114–127. Moscow, Nauka. (In Russian)

Rowley, H. (2009). *Tête-à-Tête: Simone de Beauvoir and Jean-Paul Sartre*. 464 p. New York, Harper Collins. (In English)

Steinbeck, D. (2017). *Russkii dnevnik* [A Russian Journal]. 320 p. Moscow, Izd-vo "E". (In Russian)

Test, M. L., Rochester, M. B. (1995). *From Moscow to Chicago and Back: Simone de Beauvoir, Political Peripathetic*. *Simone de Beauvoir Studies*. Vol. 12, pp. 59–72. (In English)

The article was submitted on 02.06.2017

Поступила в редакцию 02.06.2017

Полякова Ольга Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Вятский государственный университет,

Polyakova Olga Anatolievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Vyatka State University,

610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
polyakova-ro@yandex.ru

Поляков Олег Юрьевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Вятский государственный университет,
610000, Россия, Киров,
Московская, 36.
polyakoov@yandex.ru

36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
polyakova-ro@yandex.ru

Polyakov Oleg Yurievich,
Doctor of Philology,
Professor,
Vyatka State University,
36 Moskovskaya Str.,
Kirov, 610000, Russian Federation.
polyakoov@yandex.ru